

УДК 172:316.472.4

СЛОЖНОСТНАЯ ЭТИКА СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВ

С. А. Решенин

COMPLEXITY ETHICS OF VIRTUAL COMMUNITIES

S. A. Reshenin

В статье предлагается свежий взгляд на этическое измерение социального пространства глобальных телекоммуникационных сетей в контексте сложностного мышления. Рассмотрены особенности функционирования механизма цензуры в сети и его влияние на этическую самоорганизацию сетевых сообществ.

The given article presents a fresh view on the ethic dimension of the Cyberspace in the context of the complexity thinking. There is considered mechanism of the network censorship and its influence on the ethical self-organization of Internet communities.

Ключевые слова: сложностное мышление, конвергенция, множественность, сетевая этика, цензура, девиация, ризома, самоорганизация.

Keywords: complexity thinking, convergence, multiplicity, netiquette, censorship, deviation, rhizome, self-organization.

Сети эксплицировались во всей своей полноте только в эпоху массовых конвергенций. Лишь когда нить, ухваченная Конфуцием, стала отчётливо видна и менее просветлённым, а единый мир уступил место множественным картинам мира, зыбкость структур (и в особенности, "Структуры" с большой буквы) стала ощущаться в каждом явлении. Ощущение зыбкости принимает различные формы в самых разнообразных дискурсах.

Так, американские футурологи говорят о новом синтезе и пересмотре концепции специализации. Элвин Тоффлер пишет о необходимости нового взгляда на пространство, время и знание в контексте процессов децентрализации, демассификации, десинхронизации и деспециализации [8]. В полном соответствии с вышеобозначенными тенденциями растёт число междисциплинарных публикаций. Современный лингвист уже не может позволить себе роскошь оставаться только лингвистом. Специалист по геной инженерии едва ли ускользнёт от влияния NBIC-конвергенции. Науки, дисциплины, различные уровни реальности и картины мира обвиваются нитью паутины. Существовая независимо друг от друга, они могли наивно претендовать на свою единственность и непогрешимость. Новая конфигурация лишает их такой возможности.

Для ориентации в пост-структурных образованиях необходимо новое мышление, "сложностное мышление" (англ. complexity thinking, понятие было введено впервые в теории хаоса). Американский социолог Мануэль Кастельс делает, на наш взгляд, верный акцент, когда говорит, что это не столько метатеория (которая неизбежно столкнётся с метатеорией более высокого порядка), сколько метод для понимания разнообразия. Он отмечает, что хотя правила и существуют, однако они "создаются и меняются в непрерывном процессе преднамеренных действий и уникальных взаимодействий"[9, р. 74]. Сложностное мышление направлено на схватывание разворачиваемой динамики множества переплетающихся сетей. Таким образом, на периферии внимания сложностного мышления всегда должны на-

ходить концепты становления и множественности, образующие между собой первичную сеть (или сборку).

Понятие "множественности" также требует переосмысления. Множественность, как единство Парменидовской традиции, как законченная структура, не вписывается в сложностное мышление. Мы полагаем, что концепту "множественности" стоит предпочесть концепт "множественностей" (во множественном числе), чтобы на уровне языка подчеркнуть их несводимость к единому. Видные представители французской теории Жиль Делёз и Феликс Гваттари, развивая свою концепцию "ризомы", предлагают отказаться от дихотомии, как способа разложения единого на множественное. Формулу, согласно которой одно становится двумя, они называют "самой классической, самой продуманной, самой старой и усталой мыслью" [4, с. 10] и в противовес ей постулируют множественность через умеренность. "Всегда $n-1$ (только так один составляет часть множественного, будучи всегда вычтенным). Вычитать единственное из создаваемой множественности, всегда писать -1 после n " [4, с. 11]. Благодаря этой формуле, Делёз и Гваттари избегают сведения множественного к единому, делая последнее, по сути, побочным продуктом производства. В какой-то мере, эта формула перекликается с теорией синергетики, проблемное поле которой как раз и концентрируется вокруг понятия "сложности". В частности, синергетика также отталкивается от первичности хаотической множественности, в то время как сложные структуры являются продуктом самоорганизации.

Отметим ещё один важный концепт, разработанный Делёзом и Гваттари, а именно – концепт "сборки". Сборка предполагает соединение и сопоставление элементов множественности. Однако, в отличие от жёсткой структуры, сборка может объединять самые разные объекты, тем самым она ориентируется не только на познаваемое, но и на нераспознаваемое. Концепт сборки является основой того, что Гваттари называет "машинным гетерогенезом" [4],

противостоящим редукционизму и "абсолютной идее". Сразу оговоримся, что сборку можно осуществить лишь в условиях той или иной модели сложностного мышления.

Здесь нам кажется важным отметить некоторое сходство с положениями философии прагматизма. В частности, концептуальная относительность истины легко может быть переведена в термины сборки и множественности. Кроме того, концепт сборки, вопреки своей открытости (а на самом деле даже благодаря ей), возлагает на каждого исследователя высокую ответственность, сопряжённую с возможностью свободного выбора элементов сборки. Редукционизм отныне становится безответственной практикой, если в рамках исследования заранее не оговорён его ограниченный характер. Редукционизм возможен (и, возможно, весьма полезен) лишь как редукционизм *ad hoc*, разворачивающийся в контексте множественности и становления. При таком его использовании мы можем эксплицировать отдельные аспекты изучаемого феномена.

Сети невозможно опоясать чёткой структурой, они всегда будут ускользать от структурного описания. Но мы можем выхватить моменты их становления, для чего и будем использовать концепт сборки. Обратимся для примера к медийным сетям и выдвинем рискованную исследовательскую гипотезу: современные средства массовой информации не только воздействуют на социализацию и социальную ориентацию воспринимающего субъекта, но и потакают его скрытым и явным прихотям. Ещё Аристотель говорил, что все люди от природы стремятся к знанию. Однако природе этого стремления можно интерпретировать по-разному. Так, например, потребность в информации (иначе говоря, в новостях) у телезрителя почти всегда носит перверсивный характер. Разумеется, эта потребность не исчерпывается подобной интерпретацией, однако обратившись к ней мы можем вскрыть неявные ранее взаимосвязи посредством новой сборки.

По меньшей мере, интерес телезрителя граничит с вуайеризмом: ему хочется увидеть всё своими глазами, пусть и опосредованно, через экран телевизора, но при этом остаться самому не увиденным. На этом желании основывается механизм современного телерепортажа, уводящий зрителя в глубь событий, но при этом оставляющий между ними непреодолимую дистанцию.

Дело редко ограничивается одним лишь вуайеризмом, который, в принципе, уже и не воспринимается как нечто перверсивное. Новости, затрагивающие самые сумеречные аспекты социального бытия, неизменно оказываются самыми популярными, интересными и зрелищными. При этом интерес особенно возрастает в том случае, если нам сообщают о чём-то из ряда вон выходящем, то есть о девиации. Мало кому интересна новость о собаке, загрызшей человека (разве что сам этот человек был кем-то "интересным"), а вот новость о том, что человек загрыз собаку, привлечёт к себе гораздо больше внимания. Ну, а ещё интереснее станет, если выяснится, что человека загрыз человек. После основного ин-

формационного тезиса начинается смакование подробностей, в рамках которого воспринимающий субъект и реализует свою потребность в информации.

Средства массовой информации с большой охотой обращаются к подобным темам, однако они соблюдают некоторый цензурный барьер, который:

- во-первых, ограничивает воспринимающего субъекта от наиболее перверсивной информации;

- во-вторых, позволяет воспринимающему субъекту не утратить способность к восприятию в силу информационного переизбытка и эмоционального перегруза.

Таким образом, мы можем утверждать, что цензура не в последнюю очередь выступает координатором (системой сдержек и противовесов) своеобразного информационного рынка. Иначе говоря, цензура предлагает нам некоторые сборки, детерминированные амплитудой общественно допустимого отклонения от нормы. Отметим, однако, что в контексте более сложной, децентрализованной и разветвлённой сети, эта детерминация может сойти на нет. Так, например, до сих пор ведутся споры, до какой степени возможна цензура в международной сети Internet. Займём в качестве рабочей умеренную позицию и попробуем поэтапно разобраться в ситуации.

Обеспечение полного отсутствия цензуры, о котором мечтали отдельные идеологи свободного киберпространства [2], оказалось практически невыполнимой задачей. Ежедневно сеть "очищают" от наиболее одиозной и запрещённой информации. Однако, подобно гидре, уже на следующий день эта информация вновь появляется в сети, множится и расползается по самым разным её узлам. Таким образом, цензура в сети с её нынешней организационной структурой воспринимается прежде всего как действие, а не результат. Причём действие это носит неостановимый стихийный характер и оттого зачастую воспринимается как нечто бессмысленное и бесплодное.

Но это восприятие обманчиво: на самом деле цензура самым непосредственным образом влияет на доступность информации даже в рамках глобальной сети и тем самым входит в противоречие с имманентно присущим сети принципом свободы информации. Как следствие, некоторую информацию найти сложнее, чем другую. И эти степени сложности поиска и доступности информации самым непосредственным образом влияют на сетевую социальную стратификацию. Так, например, в сети Internet существует большое количество закрытых сообществ, в которые невозможно вступить, не пройдя определённые проверки и/или не заручившись поручительством одного из действующих членов сообщества.

Тем не менее цензура в сети Internet коренным образом отличается от цензуры в системе телерадиовещания. Её власть в значительной степени ограничена и постоянно оспаривается. Причины этому в (без)структурной организации пространства сети. Во-первых, при определённой инструментально-

технической грамотности пользователь может себе обеспечить достаточно высокий уровень анонимности (или, по крайней мере, уверенность в оном) и тем самым обезопасить себя от какой-либо ответственности. Во-вторых, Internet предлагает значительное количество самых разнообразных механизмов и моделей самореализации, и агенты цензуры попросту не способны охватить весь поток. В-третьих, дополнительное препятствием для обеспечения цензуры выступают автоматизированные системы, имитирующие отдельные пользовательские действия. Самой большой и заметной группой подобных систем являются так называемые спам-боты. Сфера действия таких систем не ограничивается электронной почтой, спам-боты уже давно проникли в мессенджеры, блоги и социальные сети. Они создают колоссальный информационный шум и мешают проведению многих операций.

Резюмируем: нынешняя организация глобальной сети Internet подразумевает множественность, многомерность, анонимность и значительный информационный шум, в результате чего цензура в ней носит ограниченный характер. Таким образом, цензура оказывается не способной в должном количестве производить сборки, оформляющие в социальном пространстве сети дихотомию "норма-девиация", и на информационном рынке глобальной сети царствует принцип *Laissez-faire*. Как следствие, потребность в перверсиях и девиациях (которые уже и нельзя воспринимать таковыми, так как отсутствует чёткий кореллат в виде нормы) поощряется и в значительной степени утоляется.

Принцип *Laissez-faire* самым интересным образом сочетается с имплицитной установкой глобальной сети на общедоступность информации и неприятие тайны в любом её виде. В результате глобальная сеть Internet, помимо прочего, становится площадкой для самореализации самых маргинальных слоёв населения. Городские сумасшедшие заводят блоги, подростки документируют процесс приготовления домашних животных, а новые хилиасты и конспирологи предлагают очередные девиантные (опять же, девиантные только для отдельного наблюдателя, но не для сети Internet в целом) интерпретации мира. Вуайеризм и его обратная сторона – "жизнь" напоказ – очень быстро обесценивают самые важные аспекты бытия. Так, смерть в сети Internet уже стала досужим зрелищем, имеющим самые разнообразные формы, популярнейшей из которых является самоубийство перед веб-камерой.

В то же время любое отдельно взятое сообщество внутри глобальной сети вольно выстраивать посредством сборок свою собственную систему цензуры и тем самым оформлять локальную дихотомию "норма-девиация". Это парадоксальное стремление глобальной сети к локальности подчёркивает её множественный характер, её нежелание сводиться к единому и оформляться вокруг определённого центра.

Однако в контексте неконтролируемых децентрализованных множественностей и индивидуальных сборок появляются правомерные, на первый

взгляд, опасения о невозможности коммуникации и выстраивания общих смыслов. Не окажется ли социальное пространство сети Internet реальным воплощением множественности монад без окон? Именно об этом размышляет Кастельс, используя метафорический образ персонализированного гипертекста, под которым он понимает результат работы нашей способности "рекомбинировать и понимать своим умом смысл всех компонентов гипертекста, распределённых среди множества различных сфер культурной выразительности" [6, с. 236]. Иначе говоря, суть дела в нашей способности осуществлять сборки и индивидуально интерпретировать их, в результате чего "мы становимся свободными, но потенциально аутичными" [6, с. 237].

Но в то же время сама природа коммуникации подразумевает существование Другого, с которым и осуществляется диалог. "То же самое" не нуждается ни в осмыслении, ни в сравнении, ни в общении. Для коммуникации необходима множественность, именно она и делает диалог возможным и необходимым. "Объединяет людей не обобщенное, а особенное. Человек по-настоящему имеет право отождествить себя только с тем, что непохоже, редко, исключительно, единственно. Общее, навязывая людям одинаковость, делает их чужими друг другу" [2, с. 51].

Кастельс вопрошает "каким образом общий смысл и, следовательно, общество могут быть реконструированы в условиях распределённого персонализированного гипертекста?" [6, с. 237], и сам же предлагает ответ: для схождения множественностей существуют специальные протоколы смысла, мосты между самыми автономными дискурсами. А самым важным из них является искусство во всех его проявлениях, которое "способно стать – и без всякой особой программы освобождения, а только благодаря одному лишь факту своего существования – коммуникационным протоколом и инструментом социальной реконструкции" [6, с. 239].

И действительно, общение в сети пронизано циркулирующими творческими потенциями, именно они оказываются способны обеспечить прочность глобальной паутины, обволакивающей разнородные локальности. Сообщества и индивиды продуцируют свои ценности, свои дискурсы, которые, в свою очередь, могут отправиться в свободное плавание посредством разнообразных коммуникационных практик, осуществляемых в сети. Диалог возможен лишь как соприкосновение бесчисленных границ множественного, но не как их размежевание или, наоборот, размытие. Настоящая коммуникация всегда является в той или иной мере творческой самореализацией, и она ни в коем случае не подразумевает полное исчезновение Другого. Очень важно, на наш взгляд, помнить о том, что множественность вовсе не означает незначительность или бессмысленность отдельных дискурсов, так как именно на этом сомнительном аргументе обычно строится направленная против неё критика.

Сеть Internet "глокальна" по своей природе, для её этической системы характерно сближение несовместимых элементов. С одной стороны, многие исследователи правомерно пытаются охарактеризовать её как реляционно-нигилистическую, с другой – отдельные сообщества в сети имеют крайне жёсткие системы этических норм и цензуры. Кроме того, в сети существуют ещё и мягкие формы этической регуляции, называемые нетикетом. Так, например, спам (являющийся прямым нарушением нетикета) вызывает негодование практически у каждого пользователя сети.

Современное общество отчаянно нуждается в новой этической модели, о чём свидетельствуют многочисленные этнические, религиозные и прочие социальные конфликты. Так, например, рефлексировав над недавними событиями в Осло, словенский философ и культуролог Славој Жижек в статье "Казус Брейвика, или чего хочет Европа?" [5] пишет о необходимости нового витка эмансипации, однако оказывается не способным привести конкретный пример возможной её модели, за что впоследствии критикуется Александром Морозовым [7]. В продолжение мысли Жижека, мы хотим привлечь всеобщее внимание к реализации этического взаимодействия в глобальных телекоммуникационных сетях.

Мы считаем, что этика в контексте сетей становится не столько реляционной, сколько сложностной. Она уже перестаёт претендовать на единственность или метаэтичность, но в то же время не отказывается от своей значимости. Для сложностной этики в большей степени характерна честность, нежели конформность (хотя бы уже в силу отсутствия единой модели конформности). Сеть подразумевает конвергенцию, но конвергенция не обязательно означает полное слияние и исчезновение Другого. Напротив, ни одно мнение нельзя убрать с доски в силу концептуально-технических особенностей сетевой организации. Поэтому сложностная этика оказывается этикой необходимости терпения множественного. Это не либеральная модель толерантности, отнюдь. В сложностной этике терпение множественного не подразумевает абсолютную вежливость

и страх перед собственным мнением. Дебаты и споры, локальные войны и перемирия ни на секунду не прерываются в пространстве сети. Они контролируются мягко, посредством нетикета, но при этом редко эскалируются, так как для полноценной эскалации нужна единая подобная структура, а в сети мы имеем дело с множественностями. Путь к новой этике лежит прежде всего в признании становления и множественного. Здесь и начнётся новый виток эмансипации.

Литература

1. Барлоу, Д. П. Декларация независимости киберпространства [Электронный ресурс] / Д. П. Барлоу // POSIX. – Режим доступа: <http://posix.ru/openway/declaration>.
2. Бибихин, В. В. Язык философии [Текст] / В. В. Бибихин. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 416 с.
3. Галинская, И. Л. Компьютерная этика, информационная этика, киберэтика [Электронный ресурс] / И. Л. Галинская. – Режим доступа: <http://ilgalinsk.narod.ru/articles/competh.htm>.
4. Делёз, Ж. Тысяча плато: капитализм и шизофрения [Текст] / Ж. Делёз, Ф. Гваттари. – М.: Астрель, 2010. – 895 с.
5. Жижек, С. Казус Брейвика, или чего хочет Европа? [Электронный ресурс] / С. Жижек // Русский журнал. – Режим доступа: <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Kazus-Brejvika-ili-chego-hochet-Evropa>.
6. Кастельс, М. Галактика Интернет [Текст] / М. Кастельс. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с.
7. Морозов, А. Жижек и Брейвик [Электронный ресурс] / А. Морозов // Русский журнал. – Режим доступа: <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/ZHizhek-i-Brejvik>.
8. Тоффлер, Э. Третья волна [Текст] / Э. Тоффлер. – М.: АСТ: АСТ Москва, 2010. – 795 с.
9. Castells, M. The Rise of the Network Society [Text] / M. Castells. – Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 2010. – 597 p.